

немногочисленны, их употребление объясняется популярностью в Интернете.

В отдельных случаях может возникать вопрос: *Является ли СМС-язык собственно языком?* Ответ не очевиден. Некоторые словари французского языка (Skyrock 2002, Veyrin-Forrer 2004) рассматривают корпус СМС-лексем простой формой сленга молодых людей. Однако проведенный в Бельгии сбор СМС-сообщений в 2004-2006 гг. Седериком Фероном, Жаном Рене Кляйном и Себастьяном Помье, говорит о том, что в число респондентов входили не только подростки, а также другие возрастные категории. Конечно, СМС-сообщения подростков преобладали, но учитывать нужно и информацию, переданную другими людьми.

Таким образом, исследование текстовых сообщений показывает, что СМС-лексика – это уникальный феномен современного общения людей, в частности бельгийских франкофонов. Она возникает при совместном использовании цифр и букв. Основными способами ее образования служат *усечение, аббревиация, буквенное сокращение и способ создания акронимов*. Основное внимание при декодировании смысла СМС-лексем в сообщениях следует уделять заложенному деноминативному компоненту. СМС-язык, безусловно, всегда стремится к изменению формы используемой стандартной лексемы и или ее замене на другую, ассоциируемую с передаваемой информацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fairon, C., Kleine, J.R., Paumier, S. Le langage SMS : Étude d'un corpus informatisé à partir de l'enquête « Faites don de vos SMS à la science » [Текст] / C. Fairon, J.R. Kleine, S. Paumier. – Louvain-la-Nauve : UCL : Presse universitaires de Louvain, 2006. – 128 p.
2. Caron, A.H., Caronia, L. Culture mobile : les nouvelles pratiques de communication [Текст] / A.H. Caron, L. Caronia. – Montréal : Presse universitaires de Montréal, 2005.
3. Skyrock. Mobile Choc. SMS [Текст] // Texto : le guide pratique. – Paris : Robert Laffont, 2002. – 93 p.
4. Veyrin-Forrer, U. Dictionnaire insolite français-SMS [Текст] / U. Veyrin-Forrer. – Paris : Cosmopole Active. Média, 2004. – 95 p.

Е.И. Лемешко (г. Белгород)

ИЗУЧЕНИЕ СУППЛЕТИВИЗМА В ЯЗЫКЕ

Термин «**супплетивизм**» используется в отношении явлений, у которых обычные семантические или грамматические отношения выражаются не логичным для языка способом.

Стандартными примерами супплетивизма являются степени сравнения прилагательных **good** и **bad** в английском языке, или же форма настоящего и прошедшего времени английского глагола **go**.

Положительная	Сравнительная	Превосходная
good	better	best

Для сравнения *nice-nicer-nicest*

Present	Past
go	went

Для сравнения *dance-danced*

Так как данные примеры являются исключением из правил образования ориентированных на конкретный язык морфосинтаксических моделей, существуют видения супплетивизма как явления беспорядочного и необычного.

Можно сказать, что данное явление является чем-то большим, чем просто «неправильность», так как характерно не для одного языка (например, нем. *ich-meiner*; рус. человек-люди).

В определении супплетивизма, скажем например, Блумфилд, уделяет особое внимание морфонологии в том отношении, что супплетивные формы являются исключениями, которые ни в коем случае не могут быть охвачены существующими морфофонологическими изменениями в конкретном языке.

Прямо или косвенно, явление супплетивизма рассматривалось в связи с проблемой изучения индоевропейских языков Я. Гриммом, Р. Раском, Ф. Боппом, представителями младограмматической школы Х. Остгофом, К. Бругманом, Н. Крушевским. Так, Якоб Гримм полагал, что языковые аномалии (супплетивные формы) характерны для древнего состояния языка. Помимо супплетивных форм он причислял к аномалиям нерегулярность в парадигме и аблауты глаголов. Расмус Раск отыскивал совпадения нерегулярностей в разных языках, тем самым, доказывая их родство. Ф. Бопп, анализируя порядковые числительные и местоимения в индоевропейских языках, отмечает, что как количественные и порядковые числительные, так и падежи местоимений образованы от разных корней. Этот факт он берет для доказательства родства языков. [3, 253] В связи с этим можно говорить об использовании явления супплетивизма для определения отношений между языками.

Далее проблема супплетивизма изучается в связи с изучением языковых изменений, в частности фонетических законов, словообразования. В связи с этим и возникло рассмотрение вопроса причин возникновения, употребления и сохранения в языке супплетивных форм.

Х. Остгоф был, пожалуй, первым лингвистом, давшим определение супплетивизма, основанное на материале индоевропейских языков.

Супплетивами Остгоф называет неоднородные по своему этимологическому составу морфологические ряды типа лат. *fero—tuli—latum* в глаголе или *bonus—melior—optimus* в степенях сравнения, готск. *ik—meina, mis* в строе личных местоимений, готск. *gagga—iddja* в глагольном строе (ср. агс. *gá—éode*, в английском языке замещенное другим супплетивным рядом с аналогичными значениями *I go—I went*, ср. также русск. «иду—шел») и т. д. [4]

На основании детального разбора он установил, что семантика супплетивных групп относится к кругу повседневных элементарнейших понятий. В области глагольных супплетивных групп это глаголы со значениями «есть», «дать», «идти», «приходить», «бежать», «брать», «нести», «приносить», «вести», «сказать», «говорить», «бить», «попадать», «смотреть», «видеть», «быть», «становиться». В области грамматического рода это, прежде всего, номенклатура ближайшего родства: «отец» - «мать», «сын» - «дочь», «брат» - «сестра» и др. В области степеней сравнения сюда относятся соответствующие

формы от прилагательных «хороший», «плохой», «большой», «малый» и др. Это, наконец, супплетивы личных местоимений и числительных.

С.Н. Кацнельсон считает, что в основе супплетивности Остгоф видит психологически понятное стремление индивидуализировать, оттенять и выделять предметы, ближе стоящие к человеку. Остгоф говорит о двух тенденциях, противоборствующих с самых ранних эпох словотворчества и образования форм: тенденции к обобщению, в области морфологии выражающейся в закономерном использовании определенных форм, и тенденции к обособлению и индивидуализации понятий. Эта последняя тенденция и выражается в области словоизменения и словообразования в супплетивных группах. Критикуя Остгофа, Кацнельсон, считает его концепцию супплетивности «неубедительной, поверхностной и упрощенной». [5,18]

Необходимо заметить, что основной причиной сохраняемости супплетивных форм младограмматики считали частотность их употребления.

Бругман, например, придерживался мнения о том, что небольшие группы особо употребительных слов дольше других сопротивляются аналогическому воздействию больших грамматических групп, не только сохраняя свои неправильности, но и оказывая при этом аналогичное воздействие на другие, более многочисленные группы [6].

По мнению Пауля, те формы меньше всего подвергаются опасности быть вытесненными новообразованиями, которые сильнее всего запечатлелись в памяти. Поэтому самые обычные слова лучше всего сохраняют свою архаичную флексию, даже когда они изолированы от других. В самых разных языках среди так называемых *anomalía* лишь в виде исключения попадают редкие слова; обычно к их числу относятся наиболее необходимые элементы повседневной речи. Аномалия их в том и заключается, что они не подчинились действию господствующей в остальных случаях тенденции к «нивелировке языка» [7, 329].

Так, Вандриес полагает, что наиболее употребительными глаголами являются сильные, т.е. неправильные. Они могут избегать аналогии благодаря частому употреблению. Самым неправильным глаголом является глагол *быть*, т.к. он употребляется чаще других [8, 155].

Жирмунский справедливо отмечает, что необходимо различать вопросы происхождения аномалий и их появление. Возникновение «неправильностей» в тех или иных грамматических формах объясняется не частотой их употребления, а условиями происхождения. В частности, так называемые супплетивные основы глаголов, степеней сравнения, личных местоимений пережиточно отражают первоначальную дифференцированность в более конкретном мышлении таких понятий, которые в результате дальнейшей работы мышления подвергаются логическому обобщению. Он же опровергает положение младограмматиков и показывает, что «неправильности», по обстоятельствам своего происхождения первоначально весьма значительные, отнюдь не консервируются в языке вследствие высокой частотности употребления. Напротив, именно в процессе употребления они постепенно устраняются обычным путем аналогической унификации [9, 55].

Таким образом, можно прийти к выводу, что проблема супплетивизма существовала в рамках сравнительно-исторического языкознания, где супплетивные образования рассматривались изолированно.

В связи с вышеотмеченным утверждением об изолированном рассмотрении супплетивизма важно отметить также его рассмотрение в типологических исследованиях. Здесь супплетивизм уже не может рассматриваться вне системы, так как «общим для типологических исследований, составляющим отличие от сравнительно-исторического языкознания, является сопоставление не отдельных звуков, морфем, словоизменительных форм, а сопоставление относительно целостных систем, известных структурных отношений, более общих или более частных корреляций» [10, 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Grimm J. Deutsche Grammatik. Bd. I, Göttingen, 1869.
2. Rask R. Kurzgefasste Anleitung zur Altnordischen oder Altisländischen Sprache. Hamburg, 1839.
3. Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit. Zend, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen, Gotischen und Deutschen. Berlin, 1839–1848.
4. Osthoff H. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen. Heidelberg, 1899.
5. Кацнельсон С.Д. Супплетивы местоимений в германских языках и генезис номинативного предложения (Тезисы диссертации на степень кандидата наук). М., 1955.
7. Brugman K., Delbrück V. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg. 1915, Bd. 2, Teil 3.
8. Paul H. Die Vokale der Flexions- und Ableitungssilben. Beitr. 4, 1877.
9. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
10. Жирмунский В.М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
11. Гухман М.М. Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования // Вопр. языкознания. 1957. № 5.

С.М. Мамедова (Баку)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ОСНОВЕ КУРРИКУЛУМА)

Образование – это ценность, образование – это система, образование – это процесс, образование – это результат. Вот так определяется суть новой модели образования, внедряемого в школах Азербайджанской Республики (2). Действительно, образование охватывает такие ценности, как язык, менталитет, национальные традиции и обычаи и т.д. Формирование этих ценностей как конечная цель и обучения русскому языку предусматривает реализацию таких принципов, как культуросообразность, коллективизм, системность, целостность и ориентация на личность.

Обучение русскому языку как своеобразная и динамическая система состоит из различных ступеней и этапов, каждый из которых является относительно замкнутой подсистемой. Ожидаемые результаты обучения и достижения учащихся, проникая во все поры учебного процесса и вытекая из задач каждого